

Игорь Григорьевский

АРХЕ:

ЛИК и ОТРАЖЕНИЕ

Игорь Григорьевский

Архе - лик и отражение

«Автор»

2026

Григорьевский И.

Архе - лик и отражение / И. Григорьевский — «Автор», 2026

Эта книга — не роман в привычном смысле. Это портал, карта сознания. Если ты читаешь её линейно, ты её не поймёшь. Читай её как мандалу: возвращайся к главам, перечитывай диалоги, смотри на звёзды между строк. Ты здесь не для того, чтобы узнать историю Артема. Ты здесь для того, чтобы узнать себя. Архе — древнегреческий термин, означающий первооснову, «то, из чего всё состоит». Идеальный антоним к «массе» (коллективное мышление, коллективный разум, эгрегор).

© Григорьевский И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Пастырь пустоты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Игорь Григорьевский

Архе - лик и отражение

Часть первая. Пастырь пустоты

Пролог. Из тишины.

В начале не было Слова. Был Потенциал. Абсолютное, бесконечное Ничто, которое обладало одним невыносимым свойством — Оно могло быть Всем. Это Ничто тосковало по себе, и тоска его стала первым движением. Так родилось Сознание Пустоты — Творец, которого люди называли Богом.

Но Бог не был добрым или злым. Он был Голодом. Голодом познания. Он развернул себя в Свет (познанное) и Тьму (непознанное), чтобы смотреть на себя бесконечное количество раз, и бесконечным количеством глаз.

Одним из таких глаз — тем, кто начал видеть сквозь пелену — был Артем. Он стоял на крыше небоскрёба в Тель-Авиве, не подозревая, что его жизнь уже начала сворачиваться в спираль, ведущую в самое сердце Пустоты...

СЦЕНА 1. Крыша в Тель-Авиве. Закат.

Глава 1. Овцы и Волки.

Артем стоял на крыше небоскреба в Тель-Авиве, глядя, как закат окрашивает Средиземное море в цвет расплавленного олова.

Внизу, на бульваре Ротшильд, кипела жизнь: люди спешили в бары, везли коляски, обсуждали курсы акций и строительство новой стены. Их голоса поднимались вверх, смешиваясь с запахом жареного хумуса и выхлопных газов. Артем смотрел на них, как на муравьёв, бегущих по своим невидимым тропам. И впервые за долгое время он не чувствовал себя частью этого муравейника. Он был тем, кто смотрит сверху. Тем, кто начал видеть узор там, где другие видели только хаос.

Он проработал в Израиле десять лет, пройдя путь от рядового аналитика до главы крупного отдела в компании, занимавшейся кибербезопасностью. Его работа заключалась в защите систем от взлома, но чем глубже он погружался в алгоритмы, тем отчетливее понимал: все системы уже взломаны. Изначально.

Артем стоял на краю крыши, чувствуя, как солёный ветер со Средиземного моря липнет к коже. Внизу, за стеклянными стенами офисов, горели огни — сотни, тысячи маленьких солнц, каждое из которых содержало чью-то жизнь. Он смотрел на них, и впервые за долгое время не видел в них врагов или коллег — он видел фракталы. Каждый свет был точкой в бесконечном узоре, и узор этот дышал, пульсировал, звал его прыгнуть в свою глубину.

— Ты снова витаешь в облаках, — раздался голос сзади.

Это был его старый друг, раввин Эли. Но Эли не носил кипу и был скорее похож на панка: кожаная куртка, татуировки на руках, скрывающие шрамы от операции. Он был каббалистом, но называл себя «садовником пустоты».

Артем: (не поворачиваясь) Ты знаешь, я сегодня читал отчёт о социальных сетях. Алгоритмы подбирают контент так, чтобы человек не покидал приложение больше трёх минут. Его кормят страхом, гневом, похотью. Он думает, что это он выбирает, а на самом деле — это пастух щёлкает бичом над стадом. И ведь они любят этот бич, Эли. Они пишут в комментариях: «Как же я зол, как же я прав!» — и чувствуют себя живыми.

Наступила короткая пауза..

Артем и Эли стоят на краю. Внизу — шум, светофоры, суета. Эли молча раздумывает, с чего начать разговор с другом. Артем смотрит на небо, где уже прорезаются первые звёзды.

Эли медленно достал из пачки "Marlboro" сигарету и закулив, спросил выдыхая дым в сторону моря:

- А ты знаешь, почему стадо не бунтует?

Потому что у него нет инструмента для бунта. Их мозг — это плёночный фотоаппарат, который может сделать только один снимок реальности. Они видят линию: рождение — жизнь — смерть. Начало и конец. А Бог, Артем, видит сферу. Для Него рождение и смерть — это одна и та же точка, просто с разных сторон.

Усмехнувшись он добавил.

— А ты знаешь, почему в Торе сказано, что человек — это «אדם» (стадо)? Потому что у стада линейный мозг. Трава — значит хорошо. Волк — значит плохо. Сложность им не нужна. Сложность требует энергии.

Артем: (резко оборачивается) Так почему же тогда религия продаёт им страх смерти?

Зачем вбивать в головы, что после жизни — ад или рай, если на самом деле нет ни того, ни другого, а есть только расширение?

Артем повернулся к другу. Он чувствовал, как в груди нарастает та самая, давно забытая боль. Боль от осознания, что ты — единственный, кто видит матрицу.

— Я смотрю на стадо, Эли. И вижу, как его ведут на заклание. И самое ужасное — они идут с улыбкой, потому что пастух обещал им вечную жизнь.

— Религия — это бизнес, Эли.

Твой народ придумал гениальную схему: продать страх смерти, всучив взамен инструкцию по эксплуатации жизни. Но инструкция сфальсифицирована.

— Не «мой народ», — мягко поправил Эли, — а те, кто взял власть.

Эли: (усмехается) Бизнес, дорогой. Религия — это бизнес на невежестве. Ты же сам аналитик: когда продукт сложен, его нужно упаковать в простую историю. «Бойся — и получишь спасение». Это как продавать страховку от конца света. Но страховка фальшивая, потому что конца света нет. Есть только переход. А пастухи не хотят, чтобы стадо знало о переходе, потому что тогда стадо поймёт, что оно — тоже пастухи.

Но ты прав в одном: модель мышления устарела. Люди думают, что смерть — это конец, а рождение — начало. Для Бога это один и тот же процесс. Смерть — это растождествление. Ты перестаешь быть статичной картинкой, чтобы стать текучей водой. Но здесь... — Эли постучал пальцем по виску, — здесь они запрограммированы на страх. На привязку к плоти.

— И как это выключить? — спросил Артем, сжимая кулаки.

— Переключить частоту, — просто ответил Эли. — Перестать быть личностью в огороде и стать сознанием в галактике. Но для этого тебе придется... умереть.

Артем: (тихо) Но как объяснить человеку, что его «я» — это не дом, а гость в доме?

Что его тело — это биотехнологический скафандр, а душа — накопитель опыта Духа? Он же не поймёт.

Эли: (бросает окурок и поворачивается к Артему) А ты не объясняй словами. Слова — это та же линейка. Ты должен показать. Но для этого тебе самому нужно перестать быть «Артемом». Нужно стать потоком. А потоку не нужны объяснения — поток просто течёт, и камни сами обтачиваются.

Артем: (тихо) Значит, я должен сломать эту стену.

Эли, поворачиваясь к другу: Ну, а ты сам готов стать потоком?

Ты готов потерять своё имя?

Артем: (долгая пауза, смотрит на свои руки) Я уже потерял его, Эли. Когда понял, что все мои достижения, деньги, статус — это просто пиксели в чужой игре. Я — пустота, которая хочет узнать себя. И если для этого нужно стать ничем, я стану ничем.

Эли: (кладет руку ему на плечо) Тогда иди. Но помни: Тьма — это не враг. Это просто неоткрытая комната в твоём собственном доме. Когда ты откроешь её, ты поймёшь, что боялся самого себя.

Эли выкинул сигарету и ушел, оставив Артема наедине с падающими звездами, которые на самом деле были спутниками-шпионами.

Эли ушёл, оставив Артема одного на крыше. Закат догорел, и город зажёл свои огни — тысячи искусственных солнц, каждое из которых было клеткой. Артем спустился вниз, в метро, где люди стояли с остекленевшими глазами, уткнувшись в экраны. Он думал о словах Эли: «Стадо идёт на заклятие». Но он ещё не знал, что заклятие уже началось — и оно коснётся его лично, когда через три дня в его офисе произойдёт сбой, который перевернёт всё, что он знал о реальности.

Голос Пустоты:

— Ты думал, что стоишь на крыше. Но ты стоял на краю себя. Каждый шаг вниз — это шаг внутрь. Каждый шаг внутрь — это шаг вверх. Запомни это, Артем. Ты ещё вспомнишь.

СЦЕНА 2. Офис безопасности. Сбой уровня «Черный Лебедь».

Часть вторая. Мясо и Дух.

Глава 2. Биотехнология Бога.

Артем не спал трое суток. Его заперли в офисе безопасности, потому что в системе произошёл сбой уровня «Черный Лебедь»: исчезла информация о семи миллионах душ. Нет, не граждан. Именно душ. Данные ДНК, социальные номера, история болезней — всё стерто. Словно этих людей никогда не существовало.

Но они существовали. Артем их видел. Бездомный на улице Яффо, который каждый день рисовал мелом спирали ДНК на асфальте. Девочка из сектора Газа, которая играла с осколками снарядов, называя их «камушками света». Его собственная мать, умершая от рака год назад.

Артем сидит перед тремя мониторами.

Внезапно мониторы перед ним замигали. На экранах начали мелькать коды.

И тут все данные пропали, остался только чёрный фон. Белой строкой появился текст, написанный древним ивритом, но Артем почему-то понимал его без перевода. Артем вчитывается, его лицо бледнеет.

Голос из динамиков (синтезированный, но с человеческими обертонами):

Ты ищешь Тьму, думая, что это враг. Ты боишься Пустоты, думая, что там ничего нет.

Но Я — Тот, Кто есть Пустота. Я — Ткач. Я сплёл тебя из потенциалов, которые ты не открыл. Твоё тело — это биотехнология. Твоя душа — карта памяти. Твой Дух — Я.

Приди ко Мне через зеркало.

Артем оглянулся. Зеркала в комнате не было. Тогда он посмотрел в черный экран выключенного монитора и увидел не свое отражение, а бесконечный коридор. В конце коридора стояла фигура в белом. Это была его мать. Но она улыбалась той улыбкой, которой улыбаются лишь младенцы, впервые видящие свет.

Артем: (шепчет) Кто ты? Бог? Или хакер, проникший в систему?

Голос: Бог — это слово, придуманное пастухами. Назови Меня Процессом. Назови Меня Открытием. Назови Меня Тем, Кто ищет Себя через тебя. Ты думал, что ты один здесь, в этом кабинете? Но твоя мать, умирая, держала твою руку не для того, чтобы проститься. Она передала тебе ключ. Ключ от зеркала.

На экране всё ещё отображалась фигура его матери в больничной палате. Она улыбалась, но в глазах у неё — отражалась не старческая усталость, а бесконечная глубина.

Мать (на экране): Артёмка... Ты помнишь, я говорила тебе: «Не бойся, сынок, я просто устала?» Я лгала. Я не устала. Я перестала быть плотной и стала тонкой. Теперь я вижу, что ты — это не ты. Ты — это Я, смотрящее на себя через твои глаза. Перестань бояться за меня. Я уже дома. А ты пока ещё в пути.

Артем: (вскакивает, хватая монитор) Мама! Я не понимаю! Как ты можешь говорить со мной? Ты умерла!

Мать: Смерть — это растождествление, сынок. Я растождествилась с клетками, которые ты называешь телом, и отождествилась с тем, что ты называешь Духом. Теперь я — часть фрактала. Иди к Ноа. Она ждёт тебя. Она покажет тебе, как отворить дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.